

ніе смысла и пути дается не разумомъ (тогда каждый могъ бы это открыть другому, а Толстой отрицаетъ такое внѣшнее уясненіе религіознаго утвержденія души), а вдохновеніемъ. Никакая догма, никакой катехизисъ не могутъ быть для человѣка достовѣрнѣе голоса души. Борясь съ церковной религіозностью и призывая на помощь разсудокъ и здравый смыслъ, Толстой забывалъ, что, отрицая церковную религіозность, онъ утверждался не на разумѣ, а на внутреннемъ интимномъ убѣжденіи души, на вдохновеніи внутреннемъ и на истинѣ этого вдохновенія. Толстой былъ не вѣренъ своему союзнику—разуму—и покидалъ его каждый разъ, какъ обращался къ внутреннимъ основамъ своего ученія.

На сколько разнится его же собственное опредѣленіе жизненной работы души отъ исполненія долга работника, безлично и покорно удовлетворяющаго властную волю Хозяина.—«Я возношу свою жизнь,—говоритъ онъ, это одно можетъ вознести жизнь другого, да и другой—я же. Если я вознесу себя, я вознесу всѣхъ».

Вспомнимъ утвержденіе Толстого относительно того, что можетъ послужить орудіемъ распространенія въ мірѣ истины: слово и убѣжденіе здѣсь играть роли не могутъ, ибо истина дѣйствительна не въ мѣру своей